

В 1642 году в Нарыме произошло восстание служилых людей

Челобитная нарымского священника Якова, приказчика пашенных крестьян Ф. Костарева, толмача Ф. Деева, служилых людей К. Сергеева, Н. Исакова, К. Никитина, Г. Савина, И. Деева, И. Новосильцова.
Подана в Сибирском приказе 16 февраля 1643 г.

л. 26.

А дела твои государевы на Ивана Скобелцына и на жену его Парасковью и на детей и на брата и на племянника и на людей:

Как он Иван в Нарым приехал и твое, государь, жалование наказ нам вычел и твое государево жалованное слово нам сказал и учал все делать заповедные дела мимо твой государев наказ. Завел корчму немерную, сам и жена его учили вино продавать мешаючи с поливами с пивными, а для горести клал горчицу, а продавал то вино всяким людям в чарки и в скляницы и фляги проезжим и остяком и новокрещеным на денги и на мяккую рухледь.

Да он же Иван имал на себя по три годы з государевы поварни государево вино не перепущаючи в перепуски аракою от браги по десети ведер, в первом году у целовалников у Вахромея Иванова да у Трифана Игнатьева, а в другой год у целовалников же у Семена Кутуфтина да у Третьяка проскурника, а в четвертой год у целовалников же у Ивана Боярки да у Ивана кузнецова брата, а тое араку мешал с поливами же с пивными, а для горести клал горчицу, а продавал по тому же на денги и на мяккую рухледь в четверть ведра флягу по рублю и болши, а на рухледь по бобру всяким людям и на всякую рухледь.// Да он же Иван не токмо в Нарыме корчму держал, и он Иван и по юртам посылал вино продавать на мяккую рухледь и на хмель менять сы Иваном з Бояркою.

л. 27

Да он же Иван мне Нехорошке неволею велел на себя в деревне на Парабеле вино курити из моего Нехорошкина хлеба, а здобу дрозжи с хмелинами он Иван свои давал, а велел тое здобу имать у человека его у Степанка и то вино велел имать аракою не перепущаючи в перепуски, а отвозил тое араку к нему кы Ивану человек

л. 46

Да нарымской же князец Ермак и его волости захребетной остяк Кошпахта добыл самую добрую черную лисицу и тое лисицу взяли у него в волость и хотели ее нести государю в поминки ото всея волости, и Иван Скобелцын тое дороге лисицы государю в поминки нести не велел, а взял тое лисицу себе в поминки.//

Да в сибирских же городех во всех государева большая заповедь черных лисьих гнезд разорять и детей выкапывать из нор не велено. И нарымской остяк Коев сын Нендога добыл и кормил самое доброво черново лисенка государю в поминки и в ясак, и Иван Скобелцын тово черново лисенка взял себе.

Да нарымской же князец Аринзянево[й] волости ясачной остяк Ранепа добыл саму добрую черную лисицу и тое лисицу хотели нести государю в поминки ото всей волости, и Иван Скобелцын тое дороге лисицы государю в поминки нести не велел, а взял тое лисицу себе в поминки.

л. 47

Да нарымской же князец Тогурской волости Тобыл да и его волости ясачной остяк Вонгий добыл самую же добрую дорогую черную лисицу и Иван Скобелцын тое черную лисицу государю в поминки класть не велел, а взял тое лисицу себе в поминки, да и по вся годы в Тогурской волосте добывают многие черные лисицы, и все тое лисицы Иван Скобелцын емлет на себя и всем Нарымсково уезду князком и ясаулом и ясачным людем приказывает с толмачем с Карпункою лутчие звери черные лисицы и добрые соболи и бобры приносили бы к нему кы Ивану, а государю в ясак и поминки лутчие звери черные лисицы и добрые соболи и бобры носить не велит, и про то про все ведает //толмач Карпунка да Аньна Еремиха. А как государев сыск будет и ясачные люди и сами про то скажут.

А как он Иван с женою в Нарым приехал и всех ясачных людей и захребетников своим грабежем и насилством и корчмою и долгами разорил до конца, да не токмо животы их имал, и он жен у ясачных людей имал и силою и крестил. У лутчево у нарымсково князца у Тайбахтина сына у Чюры отнял жену и с пасынками, а с его Чюринными братьями и с людми, и велел крестить дочери своей Овдотье, и окрестя, тое Чюрину жену и животы все и лошади себе поимал, а как тое Чюрину жену у мужа отнимал, и к нему приходили на двор многие ясачные люди ясаул Меншик с товарищи и били челом и плакали у него на дворе голосами, чтоб у князца их у Чюры жены не отимал, и он их велел з двора збити.

л. 48

Да в Сибири ж государев указ во всех городех в упалые места велено ставить служилых людей и их детей и братью племянников, а Иван Скобелцын делал мимо государев указ, ставил в упалые места гулящих людей ярыжек Кирюшку Федорова да Олешку Серебреника да Сенку Портнягу, да он же отнял у церкви, поставил в служивые люди пономаря Киприянка мимо казачьих детей и братью и// племянников, а которых ярыжек и пономаря ставил в служивые

люди, и он Иван их оклады государево жалованье имал себе денги.

Да он же Иван после тово ставил в службу в упалые места казачьих детей князь Григорьева Ол[е]шку да Олешку Ортемьева сына да Сенку Онтонова сына да Ивашка Оксенова сына да Первушку Кузмина сына, а государево жалованье их оклады имал себе денги.

Да в Нарымском же остроге на Парабеле заведена государева пашня, а пашенным давана большая подмога, и Иван Скобелцын и жена ево Парасковья доброво пашенново крестьянина Ульянка Мартемьянова отставили, а взяли с него посулу Иван три рубли, а жена ево Парасковья взяла с него посулу рубль, а в то место поставили в государеву пашню ярышку Пронку Петрова, а тот Пронка увечен, слеп и ничево пашенново дела не знает.

л. 49 Да тот же Иван и жена ево Парасковья как им итти ко храму к вечерне и к заутрене и к обедне, и оне велели перед собою дороги чистити служилым людям сторожу Нагаю да воротнику Ондрею да денщику Ивашку новокрещену.//

Да тот же Иван Скобелцын и жена ж ево Парасковья взяли к себе и к детем в мамы и в потайные в толмачи ворожею блядку Аньну Еремиху, да он Иван и жена ево взяли к себе и держали у себя ворожею ярышку Давыдка да ворожею Катку пашенново жену Завьялькову, а што оне ворожили, и про то про все ведает он Иван и жена ево и те люди, которые ему ворожили.

Да он же Иван и жена ево Парасковья тово же ворожею ярышку Давыдка у себя в хоромех научили клепать лутчих казацких жен бездельем Олексееву жену Алатаеву Катерину да десятникову жену Аньну Онътонову и пытал их безвинно, и оне ни в чем не винулись, и он Иван и жена ево Парасковья тово ярышку отпустили из Нарыма ночью потайными воротами.//

л. 50 Да та же десятникова жена молвила подьячему Офонасью, я де тебя во сне видела в шубе. И Иван Скобелцын тое десятникову Онтонову жену Аньну взял в приказ и роспрашивал, видела де ты Офонасия подьячево в шубе и по тому сну што будет, и та Онтонова жена сказала, видела де подьячево в шубе, а што де будет, я не ведаю, и он за то ее хотел пытать, и служилые люди хотели ехати в Томской бити челом, и он ее не пытал и из приказу отпустил.

И после тово Офонасей подьячей позвал к себе на именины прожиточных людей казатцких жон и туто же прислал Иван Скобелцын ворожею блядку Аньну Еремиху, которую взял в мамы к детем своим и в толмачи, а с нею ево Иванова жена прислала ступишново румянцу и велела подкинуть тот румянец в воду, и подьячей Офонасей сказал Ивану и Иван сказал, то де лютое зелье, и тех прожиточных казачьих жон, которые у него у Фонасья были, хотел пытать безвинно для своей безделной корысти, и служилые люди хотели ехати в Томской на Ивана и на подьячево бити челом, и Иван Скобелцын тех служилых людей жон пытать не велел, а сказал, что тот румянец жены ево Парасковьи, а дала тот румянец жена ево Парасковья // Анъне Еремихе.

л. 51

Л. 48: «<...>Да он же Иван после тово ставил в службу в упалые места казачьих детей князь Григорьева Ол[е]шку да Олешку Ортемьева сына да Сенку Онтонова сына да Ивашка Оксенова сына да Первушку Кузмина сына, а государево жалованье их оклады имал себе денги. <...>»*

*Алексей Артемиевич Родюков